

В.В. Сидорин

К ПРЕОДОЛЕНИЮ РАЗРЫВОВ: ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Сидорин Владимир Витальевич – научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

Частое противопоставление «философии в России» и «русской философии» рассматривается автором как контрпродуктивная дилемма, препятствующая естественному взаимодействию культурно-исторического своеобразия национального философствования и мировой философской культуры. Важнейшим моментом в этом отношении оказывается необходимость деполитизации и деидеологизации дискуссий об отечественном философском наследии. Существенной проблемой на пути актуализации последнего является то обстоятельство, что язык современной истории русской философии во многом продолжает оставаться языком самоописания русской философии первой половины XX в., что проявляется, с одной стороны, в некритическом использовании философских понятий, категорий, концепций прошлого в современном культурно-историческом контексте, с другой – в принципиальном отказе от работы с данным концептуальным аппаратом. Наиболее характерными примерами в этом отношении оказываются понятия «соборность» и «русская идея». Включение отечественного философского наследия в предметное поле современной философии затрудняется, в свою очередь, целым рядом обстоятельств, обусловленных как фрагментацией современного философского знания и размыванием его дисциплинарных границ, так и спецификой формирования профессионального философского сообщества России. Исторические причины с необходимостью привели к существенному разрыву между отечественным философским наследием XIX–XX вв. и концептуальным и методологическим пространством современной философской мысли. Осознание этого разрыва в свою очередь послужило причиной своеобразного корпоративного разлома внутри российского философского сообщества – его разделению на группы, занимающиеся проблематикой, претендующей на актуальность, и сообщество, ориентированное на исследование отечественного философского наследия. Преодоление этого концептуального разрыва и корпоративного разлома оказываются необходимыми предпосылками для действительной актуализации отечественного философского наследия в современных условиях.

Ключевые слова: русская философия, русская идея, соборность, «эпоха возвращения имен», философское сообщество России

Для цитирования: Сидорин В.В. К преодолению разрывов: отечественное философское наследие в современном контексте // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–40.

В отношении первого поставленного сегодня вопроса – о соотношении понятий «философия в России» и «русская философия» – необходимо отметить, что его проблемная рамка задана, казалось бы, с помощью союза «и», но разговор на эту тему как-то сам собой клонится зачастую к тому, чтобы видеть здесь дизъюнктивное отношение. Думается, что мы должны избегать ставить вопрос ребром, настаивая на категоричности и однозначности ответа. Это особенно важно постольку, поскольку, на наш взгляд, оценка и интерпретация достижений отечественной философской мысли, ее актуальности, судеб и перспектив, границ и специфики слишком часто коррелируют с идеологическими установками самого оценивающего или интерпретирующего субъекта. И чем ярче выражена политическая позиция последнего, к тем большей однозначности он здесь тяготеет. Стремление к терминологической точности – столь естественное для науки – именно здесь парадоксальным образом приводит к противоположному результату: за категоричностью слишком часто скрываются идеологические оценки, политические ценности и эмоции, препятствующие действительно продуктивному обсуждению. В данном отношении важнейший момент, в котором мы нуждаемся сегодня, – хотя бы относительная деполитизация и деидеологизация разговора об отечественном философском наследии, хотя приходится с сожалением констатировать, что нынешнее положение дел характеризуется скорее противоположными тенденциями.

Стоит оговориться, что поставленный вопрос не является чем-то уникальным, обусловленным спецификой современного культурно-исторического момента. Уже в прошлом столетии после того, как философская культура в России достигла уровня, на котором начался активный процесс саморефлексии над ее основаниями и ходом развития, этот вопрос фактически сразу же встал. В первом десятилетии XX в., с одной стороны, приобрела вполне конкретные очертания русская религиозно-философская традиция, уже осознававшая или, по крайней мере, чувствовавшая свою специфику, хотя последняя будет артикулирована, отрефлексирована и, чего уж скрывать, мифологизирована несколько позже – в русской эмиграции. С другой стороны, оформились направления, развивавшиеся в иных дисциплинарных рамках и занимавшие довольно скептические позиции по поводу национальной специфики отечественной философии. Создавая «Очерк развития русской философии», Шпет отмечал, что русской философии как науки, как знания в строгом смысле этого слова все еще не существует, а национальный характер философия может проявлять только в некоторой акцентировке философского вопрошания, но никак не в форме и содержании самих философских проблем¹. Яковенко был не менее резок, указывая, что русское философствование представляет собой лишенную какой-либо традиции множественность идей и течений, не составляющих нечто единое и целостное². Тем не менее обе эти линии сосуществовали, причем далеко не параллельным по отношению друг к другу образом, и сейчас составляют золотой фонд философской культуры России. Своеобразие культурно-исторического опыта России не может не оказывать существенного влияния на формирование определенных специфических черт национального философствования, но вместе с тем для философского мышления естественно и стремление

¹ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I. М., 2008. С. 40.

² Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003. С. 8.

к преодолению подобной специфики: сложное и напряженное, а порой и конфликтное взаимодействие между этими двумя тенденциями обладает, на наш взгляд, серьезным эвристическим потенциалом.

Становление и развитие отечественного философского языка в свою очередь представляет отдельную проблему, еще ждущую своих исследователей. Примечательно, что несмотря на то обстоятельство, что к концу XIX в. на русском языке уже могло быть сформулировано философское высказывание в рамках фактически любого существующего на тот момент направления или методологической программы, Н.Я. Грот, затеяв издание первого специализированного журнала по философии, видит его задачей в том числе разработку национального философского языка³. И в последующие несколько десятилетий отечественная философская мысль действительно развивает богатые языковые средства не только для тщательной аналитической работы, но и для саморефлексии над своей природой и спецификой. И здесь, думается, есть проблема, напрямую касающаяся сегодняшнего дня: язык современной истории русской философии во многом продолжает оставаться языком самоописания русской философии первой половины XX в. С одной стороны, это проявляется в некритическом использовании философских понятий, категорий, концепций прошлого в современном культурно-историческом контексте, с другой – в принципиальном отказе от работы с данным концептуальным аппаратом.

Позволим себе привести несколько показательных, на наш взгляд, примеров. Говоря о понятийной специфике русской философии, часто вспоминают о понятии «соборность». Но необходимо учитывать, что философы, некогда работавшие с этим понятием, принадлежали к определенной традиции, – русской религиозно-философской мысли, возникшей в конкретной социокультурной обстановке. Эти мыслители были не просто глубоко религиозны, но и, как правило, воцерковлены. Для них «соборность» была не абстрактной категорией, но прочувственным, пережитым и осмысленным в личностном опыте православной религиозности понятием. Однако сейчас это уже далеко не так для подавляющего большинства тех, кто пытается использовать данный концепт в опыте философской рефлексии. К тому же, «соборность» как философская категория была достаточно проблемным понятием уже в конце XIX в., что прекрасно осознавалось теми, кто обсуждал возможность работы с ним в качестве философского инструмента. Откликаясь с критическими замечаниями на концепцию сознания брата, Е.Н. Трубецкой указывал в одном из писем, упоминая между прочим о солидарности с этим критическим пафосом и Л.М. Лопатина, что понятие «соборность» очень проблематично как философский концепт: неясно, чем соборность отличается от простой коллективности, да и представляется она то как наличествующий факт сознания, то как должное, как идеал⁴. Иными словами, используя данное понятие для того, чтобы прояснить специфику русской культуры, национального менталитета и т.д., мы не только не достигаем желаемой цели, но скорее еще более от нее отдаляемся. Это ни в коем случае не значит, что данное понятие (как философская категория) лишено

³ Грот Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. 1. С. XI.

⁴ Трубецкой Е.Н. Письмо С.Н. Трубецкому, февраль 1891 г. // Ермишина К.Б. Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М., 2021. С. 223–227.

содержания. Это значит лишь, что его не стоит некритически использовать – подобное зачастую приводит только к тому, что философское вопрошание превращается в ритуал произнесения магических заклинаний.

Можно привести и другой пример – «русскую идею». Для одних использование данного понятия означает фактическое прекращение разговора по существу, другие употребляют его как нечто само собой разумеющееся и самоочевидное, как будто забывая, что под «русской идеей» скрывается целый комплекс – причем зачастую противостоящих друг другу – идей, которые не так просто, если возможно вообще, подвести под единый знаменатель. С одной стороны, развитие подобных идей в творчестве многих отечественных мыслителей прошлого века во многом было обусловлено культурно-идеологическим контекстом русской эмиграции XX в. С другой стороны, необходимо признать, что российское общественное сознание, русская культура демонстрируют достаточно устойчивые механизмы воспроизводства и развития идеи русской/российской исключительности, а значит, наличие ряда исторических, социальных, политических и культурных детерминант, обеспечивающих это воспроизводство и развитие. Причем устойчивое наличие подобного идейного комплекса не является какой-то исключительностью – аналогичные феномены достаточно влиятельны, например, и в американской, китайской, еврейской культурах. И снова, все, что здесь нужно, – честный разговор, свободный как от немотивированного отрицания, так и магических заклинательных формул. Безусловно, стоит бережно относиться к своему культурно-историческому наследию, но ведь это не значит, что мы не можем задавать ему честных, в том числе недоуменных вопросов. Отечественная философская мысль нуждается в беспристрастном и деполитизированном обсуждении, которое является необходимой предпосылкой действительно творческой актуализации – там, где это возможно, – ее языка, тематического и концептуального наследия.

Однако решение этой задачи, как кажется, опирается как в объективные трудности, связанные с включением отечественной философской мысли в дисциплинарное поле современной философии, так и в некоторые специфические черты российского философского сообщества, связанные, по-видимому, с культурно-историческим контекстом его формирования. Место русской философии в предметном поле современной философии действительно трудно определить. Прежде всего потому, что последнюю, как кажется, как никогда в истории философии трудно заключить в какие-то предметно определенные рамки: дисциплинарное пространство современной философии не только характеризуется своего рода фрагментацией – распадом на относительно замкнутые тематические пространства с принципиальным отказом от поиска некоего общего знаменателя, – но и очевидным размыванием дисциплинарных границ. На эту объективную трудность накладываются, как нам представляется, и некоторые специфические особенности формирования российского профессионального философского сообщества. По известным историческим причинам русская философская мысль в значительной степени была исключена долгое время из отечественного интеллектуального пространства, хотя и продолжала сохранять в нем – пусть и в крайне фрагментарном и искаженном виде – некоторое присутствие. Лишь в середине 1980-х гг. набирает силу поток исследовательских, публикаторских и популярных работ о национальном философском наследии

во всем его многообразии, запускается целый ряд соответствующих издательских и исследовательских проектов.

Однако ретроспективный взгляд на пресловутую «эпоху возвращения имен» создает впечатление, что не всегда осознаваемой предпосылкой этого процесса было убеждение в том, что введение этого пласта нашей культурной истории в широкий научный и общественный оборот как бы само собой приведет к его плодотворному включению в современный философский, культурно-исторический и социально-политический контекст. Но этого по большому счету, как кажется, не произошло: механического воспроизводства оказалось недостаточно для актуализации идей и концептов отечественного философского наследия прошлого. Был осознан своеобразный, естественный по своим историческим причинам разрыв между последним и концептуальным и методологическим пространством современной философской мысли. Постепенно это привело к угасанию изначально широкого интереса философского сообщества к русской философской мысли – к началу XXI в. работа с ней осталась по большому счету в фокусе внимания лишь тех, кто так или иначе связал с ней свою научно-исследовательскую траекторию. Большая же часть профессионального сообщества принялась за решение очевидным образом необходимой задачи – освоения современной философии. Начала снижаться и напряженность историко-философской работы: взрывной рост публикаций по истории русской философии так и не трансформировался – что, безусловно, не исключает отдельных положительных примеров, – в углубление исследовательских программ и подходов. Достаточно сказать, что за небольшим исключением ни одно философское направление, ни одна фигура не включены в современную академическую культуру в полном соответствии с ее высокими стандартами: практически нет полных собраний сочинений, сколь-нибудь заметного количества обобщающих монографий, не освоены десятки архивных фондов, позабыты целые направления (например, русский марксизм или философский теизм XIX в. в духовных академиях). Мы все еще плохо знаем отечественную философскую мысль несмотря на то, что уже несколько десятилетий не существует, по крайней мере, идеологических препон к ее академическому освоению. И титанические усилия отдельных историков русской философии и представителей российского философского сообщества в целом, к сожалению, лишь оттеняют общую ситуацию. А ведь именно масштабная историко-философская работа по академическому освоению отечественной философской мысли в ее полноте, противоречивости, многообразии нюансов и оттенков может стать предпосылкой для ее актуализации в современном контексте, а, наоборот, отсутствие такой работы оказывается благодатной почвой для разнообразных спекуляций, не имеющих творческой ценности. В этом отношении негативную роль играет и иллюзорная доступность отечественного философского материала: как итог, значительная часть текстов, тематически относящихся к истории русской философии, имеет откровенно спекулятивный характер.

Указанные обстоятельства привели, как кажется, к возникновению еще одного, на этот раз корпоративного, разрыва – разделению групп, занимающихся философской проблематикой, претендующей на актуальность, и сообществ, ориентированных на исследование отечественного философского наследия. Усилия отдельных энтузиастов и даже исследовательских групп по актуализации того или иного пласта отечественной философии –

в наибольшей степени повезло в данном отношении наследию Г.Г. Шпета⁵ – общей картины, как кажется, не поменяли. Подобный корпоративный разлом еще более усугубляет разрыв между отечественным философским наследием и современным философским контекстом, и, кажется, налицо все признаки постоянного самовоспроизводства данного разлома в рамках существующей системы и сложившихся практик философского образования в России. Хочется надеяться, что пришло время для исправления этой ситуации, а это потребует целенаправленных, скоординированных усилий, направленных не только на исследование отечественного философского наследия во всей его исторической полноте, но и на его актуализацию в дисциплинарном пространстве современной философии и гуманитарного знания в целом. И, пожалуй, главной предпосылкой действительно плодотворного поиска путей этой актуализации оказывается преодоление указанных выше разрывов и разломов.

Список литературы

- Грот Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. 1. С. I–XX.
- Ермишина К.Б. Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой. М.: Синакис, 2021. 480 с.
- Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I / Отв. ред.-сост., коммент. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с.
- Яковенко Б.В. История русской философии / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. 510 с.

On the way to overcoming the gaps: national philosophical heritage in the modern context

Vladimir V. Sidorin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

The frequent opposition of “philosophy in Russia” and “Russian philosophy” is considered by the author as a counterproductive dilemma that prevents the natural interaction of the cultural and historical originality of national philosophizing and world philosophical culture. The most important point in this regard is the need of depoliticization and deideologization of discussions about the Russian philosophical heritage. One of the key problems in this regard is the circumstance that the contemporary history of Russian philosophy continues to use the self-description language of Russian philosophy of the first half of the 20th century. It causes, on the one hand, the uncritical use of philosophical ideas, categories, concepts of the past in the modern cultural and historical context, on the other hand, the fundamental rejection of work with this conceptual apparatus. The most characteristic examples in this regard are the concepts of “sobornost” and so called “Russian idea”. The inclusion of the Russian philosophical heritage in the subject field of modern philosophy is hampered, in turn, by a number of circumstances caused both by the fragmentation of modern philosophical knowledge and the blurring of its disciplinary boundaries, and by the specifics of the formation of the Russian professional

⁵ Необходимо отметить и попытки актуализировать определенные аспекты русской философской мысли в контексте современной философии религии, (пост)секулярных исследований и политической философии республиканизма.

philosophical community. Historical reasons have necessarily led to a significant gap between the Russian philosophical heritage of the 19th–20th centuries and the conceptual and methodological space of modern philosophical thought. Awareness of this gap, in turn, caused a kind of corporate rift within the Russian philosophical community – its division into groups dealing with issues that claim to be relevant, and a community focused on the study of the Russian philosophical heritage. Overcoming this conceptual gap and corporate rift turns out to be necessary prerequisites for the genuine actualization of the Russian philosophical heritage in modern conditions.

Keywords: Russian philosophy, Russian idea, sobornost', "The return of names" period, Russian philosophical community

For citation: Sidorin, V.V. "K preodoleniyu razryvov: otechestvennoe filosofskoe nasledie v sovremennom kontekste" [On the way to overcoming the gaps: national philosophical heritage in the modern context], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 34–40. (In Russian)

References

- Ermishina, K.B. *Filosofskaia perepiska brat'ev Trubetskih. Iz arkhiva kniagini Ol'gi Nikolaevny Trubetskoi* [Philosophical Correspondence of the Trubetskoy Brothers. From Princess Ol'ga Nikolaevna Trubetskaya's Archive]. Moscow: Sinaksis Publ., 2021. 480 pp. (In Russian)
- Grot, N.Ya. "O zadachakh zurnala" [On the Tasks of the Journal], *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of Philosophy and Psychology], 1889, No. 1, pp. 1–XX. (In Russian)
- Shpet, G.G. *Ocherk razvitiia russkoi filosofii* [A View on the History of Russian Philosophy], ed. by T.G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. 592 pp. (In Russian)
- Yakovenko, B.V. *Istoria russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy], ed. by Yu.N. Solodukhina. Moscow: Respublica Publ., 2003. 510 pp. (In Russian)